

ных, как правило, на высоком научном уровне) привлекает все большее внимание лингвистов разных специальностей. Нет сомнения в том, что рецензируемая книга способна послужить ключом к сложному и многообразному материалу.

Тетелец Я. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dixon R. M. W. The Dyirbal language of North Queensland. Cambridge, 1972.
2. Dixon R. M. W. A grammar of Yidiny. Cambridge, 1977.
3. Dixon R. M. W. Ergativity. — Language, 1979, v. 55, № 1.

4. Handbook of Australian languages. Ed. by Dixon R. M. W. and Blake B. J. Amsterdam, v. 1—1979, v. 2—1981, v. 3—1983.
5. Wierzbicka A. Case marking and human nature. — Australian Journal of linguistics, 1981, v. 1, № 1.
6. Boeder W. Ergative syntax and morphology in language change: the South Caucasian languages. — In: Plank F. (ed.). Ergativity: Towards a theory of grammatical relations. London, 1979.
7. Laycock D. — Language, 1982, v. 58, № 3, p. 709. — Rec.: Dixon R. M. W. The languages of Australia.
8. Wurm S. Languages of Australia and Tasmania. The Hague — Paris, 1972.

Журавлев В. И. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, 1982, 328 с.

Изучение воздействия социальных факторов на развитие языка представляет собой один из важнейших аспектов исследования сложной и многогранной проблемы соотношения языка и общества, разработка которой в советском языковедении имеет давние плодотворные традиции. В последние десятилетия заметно возрос интерес лингвистов к теме «Язык и общество», о чем свидетельствуют размахом социолингвистических исследований как в нашей стране, так и за рубежом. Наряду с разработкой общетеоретических принципов и методов социолингвистики большое внимание уделяется изучению связей языка с различными сторонами жизни общества (язык и культура, язык и идеология, язык и история и т. п.), социальной дифференциации языка, выяснению роли экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на функционирование и развитие языка (или отдельных языковых уровней (лексика, синтаксиса и др.)). Социолингвистический подход реализуется прежде всего при анализе синхронного состояния языка или закономерностей функционирования современных языков, в меньшей степени — при изучении истории языка. В свете этого рецензируемая книга — один из первых опытов диахронической социолингвистики — представляет особый интерес.

Во вступительном разделе книги — «Социальное давление на языковые процессы (Понятийный аппарат)» — излагаются исходные теоретические принципы и основные понятия, на которых базируется проводимое исследование. Важной чертой авторского подхода к рассматриваемой проблематике является стремление показать органическую (но не прямолинейную) связь внешних и внутренних факторов в истории языка, диалектальное единство социального и собственно лингвистического в языковой эволюции. Проводимое некоторыми социолингвистами разграничение понятий «социум» (общество, социальные коллективы) и «со-

циалема» (языковой, речевой коллектив) автор переносит из синхронии в диахронию. Понимая под термином «социалема» любую «социальную общность людей, говорящих на одном языке» [1, с. 312], В. К. Журавлев рассматривает социалему в качестве «элементарной единицы языковой эволюции» (с. 7). Строго говоря, с такой формулировкой трудно безоговорочно согласиться, но, видимо, автору важно было подчеркнуть, что именно социалема представляет собой основное звено, в котором совмещаются и перекрещиваются линии развития языка и общества и через которое осуществляется социальное давление на развитие и функционирование языка. Для выявления сложной динамики взаимодействия между обществом и языком на равных этапах их истории оказалось существенным введение новых социолингвистических понятий «реальной социалемы» и «потенциальной социалемы». Первое означает «общность людей, речевое взаимодействие которых осуществляется на одном и том же языке и принципиально не ограничивается ни социальными, ни географическими барьерами», второе — «языковой коллектив, обладающий усвоенной общностью языка, но реально не использующий эту общность в силу отсутствия необходимости или возможности социального взаимодействия» (с. 11). Наряду с понятиями «социум» и «социалема (реальная и потенциальная)» автор оперирует понятием «лингвема». Этим термином, применяемым вслед за Ю. Д. Дешериевым [1, с. 313], обозначаются все возможные языковые формации, разновидности языка (национальный язык, литературный язык, язык письменный и устный, койне, территориальные диалекты и говоры, социальные диалекты, функциональные стили и т. д.), находящиеся в определенной функциональной связи с тем или иным социумом (мега-социумом, макро-социумом, микро-социумом и т. п.). Опираясь на понятия социума, социалемы и линг-

вемы, автор формулирует задачи выяснения роли социальных факторов в его развитии. Отметим, что говоря о влиянии общества, о социальном давлении на внешнюю историю языка, автор подчеркивает также значение внутренних факторов, «давления системы» языка, спонтанных изменений, обусловленных закономерностями развития самой языковой структуры.

Основное содержание книги излагается в последующих четырех частях, посвященных различным аспектам исследуемой проблематики.

В первой части — «Развитие производства и производственных отношений» анализируется влияние на социалем, а через нее и на язык таких социально-экономических и политических факторов, как коренное изменение в характере и способе производства, развитие производственных отношений, торговли, становление государственности, промышленная революция и др. Автор показывает, что уже при первобытнообщинном строе начинают складываться конвергентные тенденции в развитии языка, как стихийные, обусловленные усилением взаимодействия между общинами и родами в рамках племени, так и более или менее сознательные, связанные с появлением особых социально-языковых институтов, подтверждающих единство языка племени (развитие надплеменного языка устной народной поэзии, возникновение зачатков публичной речи и т. п.). К этой же эпохе относится формирование территориальных диалектов, а также элементов диглоссии и билингвизма. Хорошо раскрыта важная роль древней торговли как инструмента развития контактов и взаимодействия между социумами и социалами, как фактора, который, с одной стороны, способствовал углублению дифференциации социалем и соответствующих им лингвем (например, возникновение социальных аргонов, условных языков), а с другой стороны, стимулировал интеграционные социальные и языковые процессы. Значительное внимание уделяет автор анализу социолингвистических последствий промышленной революции. С ней, в частности, связывается интенсификация социального взаимодействия, «взрывообразный» рост объема социумов и социалем, возрастание роли «социалами носителей городского диалекта» (с. 41), изменение общественных функций отдельных языковых формаций, формирование нового социума — нации и основного средства общения внутри ее — общенародного языка, становление национальных литературных языков. В данном контексте следовало бы, на наш взгляд, специально остановиться и на такой важной проблеме, как процесс складывания системы национального языка. С возникновением и развитием государства в книге связывается усиление конвергентно-дивергентных процессов в социальной и языковой сфере, зарождение тенденций к сознательному регулированию процессов функционирования и развития языка. Подробно освещается автором воздействие на языковое развитие различных демографических

факторов, в частности, интенсивных миграционных процессов.

Во второй части рецензируемой книги — «Развитие духовной культуры» — исследуются социальные факторы, связанные с развитием духовной культуры. Автор довольно подробно освещает историю письменности и ее роль в языковой эволюции. При этом значительное внимание уделяется вопросу о взаимоотношении письменной и устной форм языка. В этом разделе немало интересных наблюдений и выводов. Так, автор намечает, что «письмо, являясь внешним фактором по отношению к языку, само по себе имеет внутренние закономерности развития и представляет собой центральное поле взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии языка» (с. 83). Естественно, что это относится к истории письменных и литературных языков. Специальный раздел посвящен также школе. «Первые в истории человечества школы были созданы с целью преподавания языка» (с. 89), — подчеркивает автор, подробно описывая развитие школьного дела и народного образования в разных странах. Процесс проинкиновения национального языка в сферу народного образования вполне справедливо рассматривается как часть более общего процесса организации национальной школы и развития национального литературного языка, расширения его общественных функций. Автор приходит к выводу, что школа является «основным способом социализации и сохранения норм литературного языка, основным средством воспроизводства его социалами» (с. 121). Мощным фактором интенсификации языкового общения и взаимодействия социалем и лингвем явилось книгопечатание. По наблюдениям автора, с развитием книгопечатания резко возрастает элемент сознательного вмешательства общества в стихийные процессы языковой эволюции.

Интересен по замыслу завершающий раздел второй части книги — «Культурно-исторический ареал». Введение этого понятия и его социолингвистическое осмысление в данном исследовании представляется вполне оправданным. Культурно-исторический ареал понимается автором как своеобразный мегасоциум, объединяющий «народы и соответственно их языки на основе общего уровня социально-экономического, политического и культурного развития, общности культурных традиций, базизирующихся на определенной общности книжных текстов, отражающих основное содержание интегрирующей части духовной культуры» (с. 139—140). Важным признаком культурно-исторического ареала является наличие книжного языка — общей для всего ареала лингвемы «международного взаимодействия в сфере духовной культуры» (с. 142). Естественно, что в такой трактовке понятие «историко-культурный ареал» охватывается нетождественным понятием «семья родственных языков», «языковой союз» и «языковой ареал» (примечательно, однако, что пять основных культурно-исторических ареалов, которые описываются в книге, в сущ-

ности совпадают с пятью языковыми ареалами, выделяемыми некоторыми исследователями при анализе интернационализмов [2]). Сильной стороной концепции В. К. Журавлева является историзм: культурно-исторический ареал рассматривается им как категория, которая с течением времени может менять «свое содержание, объем и границы в связи с изменением интегрирующих начал, перемещением эпитентов и перераспределением границ между ними, со сменой и борьбой идеологий» (с. 140). Интересна идея «интегрирующих текстов», так как в них можно видеть реализацию общности культурно-исторических традиций ареала. Наряду с этим некоторые моменты авторской концепции представляются нам дискуссионными. Так, в частности, нуждается в уточнении трактовка отдельных признаков культурно-исторического ареала. Учитывая, что в его состав могут входить, по словам самого автора, «различные государства и народы, племенные союзы и племена» (с. 142), «несколько гетерогенных социалем» (с. 159), вряд ли стоит говорить об общем уровне их социально-экономического и политического развития. В связи с этим следовало бы, на наш взгляд, подчеркнуть лишь относительный характер целостности социума в рамках культурно-исторического ареала (особенно в прошлом).

Думается, что в общетеоретическом плане вопрос о культурно-историческом ареале заслуживает дальнейшего специального исследования. Что же касается влияния культурно-исторических ареалов на судьбы языков, то в рецензируемой книге это показано на конкретном материале, охарактеризованы определенные сферы языка, где это влияние отражается особенно заметно.

В третьей части книги — «Языковые процессы и их социальный субстрат» — рассмотрены некоторые специфические аспекты языкового развития, связанные с преобразованием социалем. Под новым углом зрения освещается, в частности, проблема языковых контактов, суть которых автор видит во взаимопроникновении социалем и интерференции языковых элементов. При этом большая роль отводится коллективам билингвов, относящихся одновременно к двум социаламам. Известную классификацию языковых контактов по «стратам» (субстрат, суперстрат, адстрат, инстрат, перстрат) автор дополняет четырьмя типами языкового взаимодействия, которые выделены по характеру каналов коммуникации (устная или письменная форма речевой деятельности билингвов): I тип — взаимодействие лишь по устным каналам, II тип — взаимодействие по письменным каналам, III тип — контакт между письменным и бесписьменным языками, IV тип — смешанный, осуществляющийся по устным и письменным каналам. Отдельные разделы третьей части посвящены вопросам демократизации и нормализации литературного языка, а также роли переводов во взаимодействии и интеграции литературных языков. Процесс демократизации литературного языка, как считает автор, имеет две стороны:

«расширение функций родного языка за счет сужения роли всех других лингвем, функционировавших в данном социуме, у данного народа» и «увеличение удельного веса народно-разговорных элементов в структуре литературного языка» (с. 193). Демократизация литературного языка понимается как результат демократизации социалемы, изменения ее «социального содержания» (с. 193), обусловленного развитием промышленной революции, школьного дела, народного образования и т. п. В связи с этим приводится и анализируется интересный историко-культурный и языковой материал, относящийся к разным народам, странам и эпохам. Говоря о нормализации литературного языка, автор отмечает стихийный характер этого процесса, а также пути и сферы сознательного воздействия на него, подчеркивает важную роль «особого подсоциума нормализаторов» (с. 238) (лингвистов, писателей, издателей, преподавателей).

Ряд важных проблем освещается в четвертой части — «Научно-техническая революция, язык, языковедение». Серьезное внимание уделено характеристике социолингвистических последствий НТР, которая вызвала небывалый размах и интенсификацию информационно-коммуникативных процессов, привела к резкому увеличению числа и форм механизмов языкового взаимодействия (особенно благодаря развитию средств массовой коммуникации), к усилению процессов языковой интеграции социумов. Одним из важнейших следствий развития НТР, как указывает автор, является интернационализация и демократизация социума, который занимается наукой (с. 266). Это в свою очередь привело к дивергенции языков науки, к их заметной интернационализации. Значительно возросла роль языка науки, научного стиля в становлении и стабилизации литературно-языковых норм: «Язык науки в эпоху НТР все в большей мере становится основной опорой существования и развития норм литературного языка» (с. 272). Естественно, что в работе не могли быть рассмотрены все проявления влияния НТР на развитие языковой жизни. Многие аспекты этой проблемы еще предстоит исследовать. Более полное определение характера, масштаба и сфер воздействия НТР на функционирование современных языков, на процессы их взаимодействия является актуальной задачей социолингвистики. Значительное внимание уделяет автор характеристике таких типичных для развития современных литературных языков тенденций, как интеграция, интернационализация и интеллектуализация. Проявление интернационализации языков он усматривает, с одной стороны, в усилении функциональной нагрузки языков межнационального и международного общения, в росте билингвизма, а с другой стороны, в увеличении объема интернациональных элементов в литературных языках. В связи с этим различается функциональная интернационализация языков и внутренняя (структурная) интернационализация литературных языков (с. 284).

Завершается четвертая часть обобщающим очерком опыта языкового строительства в СССР. В Заключении излагаются основные итоги исследования.

Рецензируемая книга В. К. Журавлева отличается необычайной широтой проблематики. Она написана на интересную, актуальную и малоразработанную тему. В центре внимания автора — исследование внешних (прежде всего социальных) факторов объективного характера, но наряду с этим освещаются и субъективные социальные факторы: сознательные установки и концепции языкового развития определенных социальных групп, общественных течений, целенаправленная нормализаторская и кодификаторская деятельность в области литературного языка, языковая политика и т. п. В теоретическом плане важное значение имеет общая модель механизма социального давления на развитие языка. Этот механизм проявляется в изменении объема, содержания и общественного статуса социалемы; в изменении социальных функций лингвемы (лингвем), используемой (используемых) данным социумом; в приспособлении лингвемы к выполнению функциональной нагрузки в данном обществе на данном этапе его развития. Проследив его действие на разных этапах развития общества и языка, автор показал, что сложные, порой противоречивые, конвергентно-дивергентные процессы в истории языков и диалектов в определяющей степени обусловлены процессами взаимодействия, сближения, объединения или дифференциации и расхождения социалем, которые в свою очередь детерминированы существенными сдвигами и изменениями в экономической, социально-политической и культурной жизни общества.

Несомненным достоинством книги является привлечение богатейшего историко-культурного и языкового материала, относящегося к разным регионам, странам и народам. В частности, широко используется материал по истории языков и культур славянских народов. Большое внимание уделено социолингвистической интерпретации закономерностей развития языков народов СССР. Автор проявил незаурядную эрудицию, творчески используя и обобщая огромную научную литературу (лингвистическую, социолингвистическую, историко-культурную, статистическую и др.).

Рецензируемая книга дает импульс для дальнейшей разработки актуальных вопросов социолингвистики. Конечно, и в общей концепции книги, и в решении некоторых проблем имеются моменты дискуссионного характера. Отдельные положения и выводы автора представляются нам излишне абсолютизированными. Так, вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что любой новый ли-

тературный язык — «своего рода гибрид между устным народно-поэтическим языком и книжным языком данного культурно-исторического ареала» (с. 160). Другой пример. Характеризуя тенденции развития языков эпохи НТР, автор пишет: «Если в предшествующую эпоху развития промышленной революции ведущей тенденцией языкового развития была тенденция к демократизации литературных языков в связи с демократизацией социалемы, то теперь на передний план выдвигается интернационализация» (с. 280). В отношении ряда современных литературных языков этот вывод можно признать правильным. И все же, по моему мнению, его нельзя абсолютизировать. Для некоторых национальных литературных языков и на современном этапе главной, определяющей тенденцией является их демократизация [3]. Можно высказать пожелание более тесно связать используемый в книге социолингвистический аппарат с понятием «языковая ситуация».

Рецензируемая книга представляет интерес для широкого круга специалистов в области языкознания, социолингвистики, истории культуры. Это один из первых опытов применения социолингвистического подхода к изучению проблем истории языка. Почти одновременно с исследованием В. К. Журавлева вышла в свет монография [4], в которой также предпринята попытка разработки основ историко-социолингвистической теории. Однако по своим задачам она более ограничена: в ней социолингвистический подход соединяется с решением конкретных вопросов исторического синтаксиса. Книга В. К. Журавлева вносит важный вклад в разработку теории диахронической социолингвистики, она является серьезным шагом на пути становления новой области социолингвистических исследований.

Смирнов Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977.
2. Акуленко В. В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии. — В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.
3. Смирнов Л. Н. Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований. — В кн.: Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев, 1982.
4. Romanne S. Socio-historical linguistics; its status and methodology. Cambridge, 1982.